

УДК/UDC 347.2

О регламентации соучастия в преступлении в законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь

Биккинин Ирек Анасович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры

административно-правовых дисциплин

Уфимский юридический институт МВД России

г. Уфа, Россия

e-mail: bikkinin@mail.ru

SPIN-код: 8033-6908

Поезжалов Владимир Борисович

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры профессиональных

дисциплин

Уфимский юридический институт МВД России

г. Уфа, Россия

e-mail: poezvb_75@mail.ru

SPIN-код: 5858-3553

Поезжалов Александр Владимирович

студент Института права

Башкирский государственный университет

г. Уфа, Россия

e-mail: poezvb_75@mail.ru

Аннотация

Охрана общественных отношений в Российской Федерации и Республике Беларусь близки по своей юридической природе, поскольку имеют общие корни, основы которых были заложены в законодательстве советского периода. Изучение и анализ института соучастия российского и белорусского уголовного законодательства создают условия для выявления положительных моментов, которые могут быть учтены законодателем и правоприменителем в целях избрания оптимальных путей развития уголовной политики. Особенности законодательной регламентации института соучастия в преступлении в уголовном законодательстве Российской Федерации и Респуб-

лики Беларусь могут быть разделены на две группы. В первую авторы включают особенности структурного характера - особенности внешнего выражения норм и положений в Общей части уголовного законодательства. Вторую группу составляют особенности содержательного характера - особенности, связанные с внутренней сущностью норм уголовного законодательства. Учет рассмотренных специфических черт белорусского уголовного закона, рассмотренных в настоящей работе, может быть использован российским законодателем в целях совершенствования как концептуальных положений уголовного законодательства, касающихся, например, расширения оснований уголовной ответственности, так и отдельных элементов института соучастия в преступлении.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, основания уголовной ответственности, уголовный закон, сравнительное правоведение.

About regulation of complicity in a crime in the legislation of Russia and Belarus

Bikkinin Irek Anasovich

Doctor of Law, professor, professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Ufa, Russia

e-mail: bikkinin@mail.ru

SPIN Code: 8033-6908

Poezshalov Vladimir Borisovich

Candidate of Law, assistant professor, Head of the Department of Professional Disciplines

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Ufa, Russia

e-mail: poezvb_75@mail.ru

SPIN Code: 5858-3553

Poezshalov Aleksandr Vladimirovich

student of the Institute of Law

Bashkir State University

Ufa, Russia

e-mail: poezvb_75@mail.ru

Abstract

The protection of public relations in the Russian Federation and the Republic of Belarus are close in their legal nature, since they have common roots, the foundations of which were laid in the legislation of the Soviet period. The study and analysis of the institution of complicity of the Russian and Belarusian criminal legislation create conditions for identifying positive aspects that can be taken into account by the legislator and law enforcement officer in order to choose the best ways to develop criminal policy. Features of the legislative regulation of the institution of complicity in a crime in the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus can be divided into two groups. In the first, the authors include structural features - features of the external expression of norms and provisions in the General Part of Criminal Law. The second group is made up of substantive features - features associated with the internal essence of the norms of criminal legislation. Taking into account the considered specific features of the Belarusian criminal law, considered in this work, can be used by the Russian legislator in order to improve both the conceptual provisions of the criminal legislation concerning, for example, the expansion of the grounds for criminal liability, and certain elements of the institution of complicity in a crime.

Key words: complicity in a crime, grounds for criminal responsibility, criminal law, comparative law.

Современное звучание обозначенных вопросов определяется тем, что в любой системе научного знания есть проблемы, интерес к которым возрастает по мере усложнения общественных отношений. В систему уголовно-правовых институтов входит институт соучастия [1]. Концепция соучастия является одной из сложнейших в уголовно-правовой теории. Основной проблемой выступает то, что многие вопросы соучастия и по сей день вызывают острейшие дискуссии, что создает определенные трудности для правильной однозначной квалификации рассматриваемых деяний и усложняет индивидуализацию ответственности.

Уголовно-правовая охрана общественных отношений в Российской Федерации и Республике Беларусь близки по своей юридической природе, поскольку имеют общие корни, основы которых были заложены в законодательстве советского периода [2]. Изучение и анализ институ-

та соучастия российского и белорусского уголовного законодательства создают условия для выявления положительных моментов, которые могут быть учтены законодателем и правоприменителем в целях избрания оптимальных путей развития уголовной политики.

Целью настоящей статьи выступает компаративное исследование уголовно-правового противодействия соучастию в преступлении, определяемого законодательством Российской Федерации и Республики Беларусь. Для реализации обозначенной цели определены этапы исследования:

- 1) определить общее в законодательной регламентации института соучастия в преступлении в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь;
- 2) проанализировать особенности законодательной регламентации института соучастия в преступлении в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь.

Предметом исследования выступили теоретические разработки, действующие нормативно-правовые акты обоих государств, которые в данной сфере имеют общие черты. Большинство норм сходны по своей правовой природе, а их виды во многом совпадают. На основе методов сравнительного правоведения, анализа и синтеза выработаны предложения по расширению оснований уголовной ответственности, а также отдельных элементов института соучастия в преступлении.

Выделим общее и различное в правовой регламентации института соучастия в преступлении в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь.

Институт соучастия в преступлении описан достаточно подробно как в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее по тексту - УК РФ), так и в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее по тексту - УК РБ) [3]. Ключевой чертой, указывающей на общность названного института, выступает то, что он представлен рядом норм, лежащих в плоскости Общей и Особенной частей УК РФ и УК РБ, имеющих схожие наименования и положения, касающиеся понятия соучастия, видов

соучастников, особенностей их ответственности, форм соучастия и его видов. При этом общее по отдельным нормам института соучастия может быть сведено к следующим основным моментам:

1. Идентичность базовых понятий, закрепленных в УК РБ и УК РФ: одинаковая трактовка видов соучастников (ч. 2 ст. 16 УК РБ и ч. 1 ст. 33 УК РФ); понимание действий исполнителя (ч. 3 ст. 16 УК РБ и ч. 2 ст. 33 УК РФ), к которым относится так называемое опосредованное исполнение преступления посредством использования лиц, не подлежащих в силу закона уголовной ответственности; определяющий момент совершения преступления группой лиц (ч. 1 ст. 17 УК РБ и ч. 1 ст. 35 УК РФ) - совместное участие двух или более исполнителей; общность правила, указывающее на то, каким образом отражаются при квалификации действия соучастника; единство регулирования вопроса квалификации эксцесса исполнителя: «за деяния, совершенные исполнителем и не охватывающиеся умыслом соучастников, другие соучастники уголовной ответственности не несут» (ч. 7 ст. 16 УК РБ и ст. 36 УК РФ). Кроме того, при характеристике последствий добровольного отказа от преступления для УК РФ и УК РБ отмечается идентичность (в ч. 4–5 ст. 31 и в ч. 3–4 ст. 15 соответственно): в случае если организатор преступления или подстрекатель предотвратили совершение преступления, они освобождаются от уголовной ответственности. Ответственность за неудавшееся соучастие сформулирована аналогичным образом применительно к пособническим действиям.
2. К числу совпадающих (схожих) положений рассматриваемых уголовных законов может быть отнесено: выделение схожих форм соучастия в преступлении; схожесть норм, указывающих на обстоятельства, смягчающие ответственность; регламентация ответственности соучастников как при удавшемся, так и неудавшемся соучастии; учитывание характера и степени уча-

ствия каждого из соучастников (ст. 66 УК РБ и ст. 67 УК РФ); основные признаки интеллектуального и волевого пособничества (ч. 6 ст. 16 УК РБ и ч. 5 ст. 33 УК РФ).

В целом уголовно-правовая охрана общественных отношений в Российской Федерации и Республике Беларусь применительно к институту соучастия обладает рядом схожих черт, что лишь подтверждает близость указанных правовых систем и указывает на наличие общих подходов к пониманию теоретических и практических проблем соучастия.

Несмотря на схожесть общих положений и норм института соучастия в преступлении, стоит признать и наличие немаловажных специфических особенностей данного института в УК РБ, отличных от УК РФ.

Особенности института соучастия, которые присущи белорусскому уголовному законодательству, следует разделить на две группы.

К первой группе могут быть отнесены особенности структурного характера - специфика внешнего выражения норм и положений в Общей части уголовного законодательства. Вторую группу составляют особенности содержательного характера - связанные с внутренней сущностью норм уголовного закона.

Рассмотрим первую выделенную нами группу отличительных черт. Одной из особенностей выступает непосредственное положение института соучастия в преступлении в тексте УК РБ.

В отличие от УК РФ, где основные положения данного института выделены в отдельную главу, содержащую 5 статей (гл. 7 УК РФ), что подразумевает самостоятельность данного института, в Общей части УК РБ положения о соучастии в преступлении включены в состав гл. 3, где наряду с соучастием изложены положения о преступлении, классификация преступных деяний, определены стадии преступных деяний. Между тем в УК РБ в самостоятельные главы выделены нормы, определяющие обстоятельства, исключаящие преступность (гл. 6), множественности преступлений (гл. 7) и т. д.

Полагаем, что данную позицию нельзя признать вполне верной, поскольку нормы о соучастии должны быть выделены в отдельную главу в рамках уголовного закона при условии того, что иные уголовно-правовые институты имеют названную выше самостоятельность.

На это, в частности, указывают и предписания, содержащиеся в Модельном уголовном кодексе (гл. 4, ст. 34–38) [4], положения которого были учтены российским законодателем, а вот разработчики УК РБ не обратили на это должного внимания.

Следующей структурной особенностью является построение ст. 16 УК РБ. Следует согласиться с мнением О. В. Глуховой, которая отмечает, что в УК РБ не заложено единообразное основание формирования норм о соучастии [5, с. 150–151].

Далее белорусский законодатель в трех последующих статьях (ст. 17–19) раскрывает формы соучастия, одновременно указывая на вопросы ответственности соучастников. Завершает всю эту конструкцию ст. 20, предусматривающая основания освобождения участника группового преступления.

УК РФ выглядит в этом смысле как более стройный и продуманный в структурном плане акт, в котором последовательно излагаются сначала понятие соучастия (ст. 32), затем виды соучастников (ст. 33), особенности их ответственности (ст. 34), формы соучастия (ст. 35) и ответственность при эксцессе исполнителя (ст. 36).

Также к одной из структурных особенностей УК РБ можно отнести наличие в ст. 20 Общей части УК нормы, предусматривающей положения о возможности освобождения от ответственности участника организации. Данная норма, по нашему мнению, является достаточно эффективной, т. к. распространяется не на определенный вид преступления, содержащийся в Особенной части УК (как в УК РФ, например), а на все, тем самым создавая дополнительный стимул для членов данного преступного сообщества для содействия правоохранительным органам. Полагаем необходимым использовать названные положения УК РБ в целях совершенствования отечественного уголовного законодательства.

К особенностям содержательного характера УК РБ стоит отнести те положения, которые по своей сути либо отличны от аналогичных норм УК РФ, либо представляют собой положения, не предусмотренные в отечественном уголовном законодательстве.

Во-первых, одной из таких особенностей является включение соучастия в число оснований уголовной ответственности (ст. 10 УК РБ). Эти основания в ст. 10 УК РБ существенно превосходят объем того, что предусмотрено в соответствующей норме УК РФ. Белорусский законодатель как бы расширяет рамки «просто деяния» за счет отнесения к ним деяния в виде:

- 1) оконченного преступления,
- 2) приготовления к совершению преступления,
- 3) покушения на совершение преступления,
- 4) соучастия в совершении преступления.

Подобное регулирование можно признать справедливым.

Во-вторых, при том, что в УК РБ (ч. 2 ст. 16) и в УК РФ (ч. 1 ст. 33) одинаково определены виды соучастников, тем не менее в ч. 2 ст. 16 УК РБ о них говорится во множественном числе, а в ч. 1 ст. 33 УК РФ они перечислены в единственном числе. Российский подход в данном смысле видится нам более верным, поскольку в дальнейшем в текстах рассматриваемых уголовных законов описание каждого вида соучастника преступления дается также в единственном числе.

В-третьих, понятие о соисполнителе дается в УК РФ в ч. 2 ст. 33 применительно к характеристике действий исполнителя, непосредственно участвующего в совершении преступления. Аналогичного указания в ч. 3 ст. 16 УК РБ нет. На соисполнительство как форму соучастия белорусский законодатель указывает в другой норме - применительно к характеристике группы лиц (ч. 1 ст. 17).

Особенностью УК РБ также является признание (ч. 4 ст. 16) отдельной роли в соучастии наряду с организатором и руководителя преступления. Это положение, пожалуй, можно считать преимуществом УК РБ над УК РФ, т. к. идет смысловое разделение ролей в соучастии, а так-

же в этом отражается, по сути, специфичность деятельности названного субъекта.

Исходя из вышеперечисленного, данное указание о наличии руководителя как возможного участника преступления является достаточно логичным, т. к. при ведении уголовного дела может являться особым критерием общественной опасности и оценки действий и личности лица - необходимых критериев для применения и назначения наказания.

Думается, названное положение должно найти свое отражение в УК РФ, тем более что правоприменитель в лице высшей судебной инстанции указывает на это [6].

Определение подстрекателя, данное в ч. 5 ст. 16 УК РБ, более кратко, нежели чем то, что дано в ч. 3 ст. 33 УК РФ. В УК РФ, описывая подстрекателя преступления, законодатель указал на то, что это лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом. Фактически в ч. 3 ст. 33 УК РФ речь идет о том, что способов подстрекательского воздействия много, при этом называются некоторые из них. УК РБ не ограничивает белорусского правоприменителя в выборе того, каким способом подстрекатель возбудил в другом лице желание совершить преступление, т. к. необходимым условием является сам факт склонения к совершению преступления. Данная позиция видится нам как обоснованная и оценивается как позитивный момент УК РБ [7].

Далее обратимся к формулировке пособничества в преступлении, данную в ч. 6 ст. 16 УК РБ. Поскольку способы пособничества, перечисленные в уголовном законе, носят исчерпывающий характер, указание в ч. 6 ст. 16 УК РБ: «... либо оказанием иной помощи ...» говорит о том, что перечень пособнических действий не такой уж и ограниченный. По сути, любое оказание исполнителю помощи в совершении преступления по уголовному закону Республики Беларусь образует пособничество. Полагаем, что такое указание, является необходимым для включения и в текст УК РФ, поскольку современные реалии жизни ставят правоприменителя в затруднительное положение в связи с динамичным изменением

жизни и возможностью появления новых способов по обеспечению поддержки или сокрытия преступлений.

Стоит отметить, что вопросы, связанные с ответственностью соучастников, в т. ч. и специальные вопросы ответственности соучастников, в УК РФ описаны более полно. Так, в частности, в УК РБ мы не находим ряд существенных положений, указанных в ст. 34 УК РФ.

Полагаем, что это связано с уже указанным недостатком УК РБ, структура норм которого не отвечает в полной мере требованиям системности норм правовых институтов в рамках статей уголовного закона.

Положения, которые будут описаны ниже, касаются особенностей подходов российского и белорусского законодателей к формам соучастия. В большинстве своем, как это уже было отмечено, понятия о совершении преступления в той или форме соучастия совпадают. Вместе с тем:

1. В определении совершения преступления группой лиц в ч. 1 ст. 17 УК РБ отсутствует указание на негативный признак «без предварительного сговора», который присутствует в ч. 1 ст. 35 УК РФ. Думается, что наличие этого негативного признака должно быть обязательным, поскольку именно он, наряду с совместным участием двух или более исполнителей, является ключевым для квалификации действий виновных как совершенных в составе группы.
2. Анализируемые нормативные акты по-разному закрепляют понятие организованной группы. В УК РБ закреплены: два или более участника, устойчивость группы, управляемость, наличие предварительного сговора, специальная цель - осуществление преступной деятельности. Тем самым белорусский законодатель установил, что в организованной группе должна быть управляемость, которая, исходя из логики, обеспечивается за счет подчинения (повиновения) других лиц (лица) руководителю данной группы. Потому нельзя говорить о наличии в такой группе только соисполнителей, а необходимо выделе-

ние организатора. В УК РФ данное указание отсутствует, но высшая судебная инстанция отмечает, что «в отличие от группы лиц, заранее договорившихся о совместном совершении преступления, организованная группа характеризуется, в частности, <...> наличием в ее составе организатора» [8]. Данное указание правоприменителя, на наш взгляд, следует воспринять и включить подобное указание по примеру белорусского законодателя в текст соответствующей статьи УК РФ. Кроме того, различие в формулировке целей также наталкивает на мысль, что в УК РФ предполагается как долгосрочное осуществление преступных действий (несколько преступлений), так и совершение одного, но требующего тщательной подготовки преступного деяния виновными лицами. Белорусский законодатель в этом смысле более категоричен и требует подтверждения преступной деятельности, не состоящей лишь из совершения одного-двух преступлений.

3. Законодательное закрепление понятия преступной организации («преступного сообщества» - именно этот термин используется как альтернативный для названной формы соучастия в УК РФ) также имеет существенные различия. УК РФ в ч. 4 ст. 35 указывает на «структурированность»; действие «под единым руководством». Эти положения отсутствуют в ч. 1 ст. 19 УК РБ. Об этом не говорится в законодательстве России. Альтернативно в УК РФ указывается иная цель осуществления преступной деятельности. С одной стороны, таким указанием законодатель четко определил, каким образом можно отделить преступную организацию (сообщество) от организованной группы. С другой стороны, отсутствие данного положения (указания на цель) в УК РБ не ограничивает белорусского правоприменителя в возможности определения такой формы соучастия (при наличии и иных условий, обозначенных в ч. 1 ст. 19) для преступлений, представляющих особую опасность.

4. Положения ч. 9 ст. 16 УК РБ, которые определяют, что «соучастники несут повышенную ответственность, если преступление совершено группой лиц, непосредственно принявших участие в его совершении (соисполнительство), либо организованной группой, либо преступной организацией», несколько отличаются от того, что указано в ч. 7 ст. 35 УК РФ. Российский законодатель в этом смысле более точен, т. к. указывает не только на группу лиц, перечисляя формы соучастия, но и указывает группу лиц по предварительному сговору. Кроме того, белорусский законодатель говорит о «повышенной ответственности» соучастников, тогда как в УК РФ указывается «влечет более строгое наказание», что является более справедливым [9].
5. К числу отличительных признаков, определяющих пределы ответственности организаторов преступной организации и ее участников, следует отнести положения ч. 5 ст. 35 УК РФ и ч. 4 ст. 19 УК РБ.
6. Следующим отличительным признаком УК РБ выступает то, что в соответствии с ч. 9 ст. 16 «участники организованной группы и преступной организации признаются исполнителями независимо от их роли в совершенных преступлениях». Таким образом, соисполнителями преступлений, совершенных организованной группой, являются как их непосредственные исполнители из числа участников группы, так и участники группы, выполнявшие пособнические или организаторские функции при совершении этих преступлений [10]. Названные положения не нашли своего закрепления в УК РФ, но на них указывается в разъяснениях высшей судебной инстанции. Думается, что это еще одно положение, которое следует включить в текст российского уголовного закона.

Отличительной особенностью УК РБ является указание в Общей части особых условий и оснований для освобождения лиц, являющихся членами организованных групп и преступных организаций, от уголовной

ответственности в связи с содействием правосудию посредством раскрытия этих групп (организаций), изобличения и пресечения их деятельности [11].

В Общей части УК РФ возможность освобождения соучастника от уголовной ответственности по названным выше основаниям не предусмотрена. Вместе с тем в Особенной части УК РФ данные положения содержатся, например в примечании к ст. 210.

Аналогичным образом сформулированы в особенной части УК РФ примечания к ст. 2054 «Организация террористического сообщества или участие в нем», ст. 208 «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем», ст. 2821 «Организация экстремистского сообщества». При этом поощрительных норм, аналогичных белорусским, применительно к ст. 209 «Бандитизм» и ст. 278 «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти» в УК РФ не имеется.

Таким образом, на основании исследования всех перечисленных выше особенностей уголовного закона Республики Беларусь и Российской Федерации можно прийти к определенным выводам: несмотря на общую схожесть некоторых основополагающих положений УК РФ и УК РБ нельзя исключать наличие как структурных, так и содержательных различий в их отдельных частях и статьях уголовного законодательства.

Результаты проведенного исследования характеризуются следующим. Законодательная регламентация основных положений института соучастия в преступлении в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь обладает схожими чертами: понятие и признаки соучастия, разделение соучастников преступления на виды, а также определение форм соучастия являются практически идентичными.

Особенности законодательной регламентации института соучастия в преступлении в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь могут быть разделены на две группы. К первой группе относятся особенности структурного характера, а ко второй - особенности содержательного характера.

Учет рассмотренных специфических черт белорусского уголовного закона, рассмотренных в настоящей работе, может быть использован законодателем в целях совершенствования как концептуальных положений УК, касающихся, например, расширения оснований уголовной ответственности, так и отдельных элементов института соучастия в преступлении.

Список литературы

1. Арутюнов А. А. Соучастие в преступлении. М.: Статут. 2013. 409 с.
2. Веремеенко И. В., Веремеенко В. М. История возникновения и развития соучастия в уголовном праве Республики Беларусь в досоветский период // Актуальные вопросы права, образования и психологии: сборник научных трудов. Могилев, 2014. С. 151.
3. Грунтов И. О., Шидловский А. В. Курс уголовного права: в 5 т. Общая часть. Т. 1: Учение о преступности. Минск: Издательский центр БГУ, 2018. 863 с.
4. Модельный Уголовный кодекс для государств - участников Содружества Независимых Государств. Принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств (постановление № 7-5 от 17 февраля 1996 г.) (с изм. от 16 ноября 2006 г.) URL: <http://docs.cntd.ru/document/901781490> (дата обращения: 20.05.2021).
5. Глухова О. В. Соучастие в преступлении по уголовному законодательству Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. 2013. № 1. С. 149–156.
6. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с созданием и деятельностью организованных групп, банд и преступных организаций: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 25.09.2003 № 9 // Советская Белоруссия. 2003. № 192.
7. Аминев Т., Биккинин И. К понятию организованной группы // Социалистическая законность. 1990. № 9. С. 74.
8. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 // Новые законы и нормативные акты. 2003. № 10.
9. Бурчак Ф. Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. Киев: Вища школа, 1986. 208 с.
10. Хомич В. М. Системно-содержательные изменения института соучастия в Уголовном кодексе Беларуси и стандарты законности при квалификации // Судеб-

ная практика в контексте принципов законности и права: сборник научных трудов. Минск: Тесей. 2006. С. 37–62.

11. Грунтов И. О. Субъективные признаки соучастия // Судовы веснік. 2006. № 1. С. 46–50.

References

1. Arutyunov A. O. Complicity in a crime. M.: Statut. 2013. 409 p.
2. Veremeenko I. V., Veremeenko V. M. The history of the emergence and development of complicity in the criminal law of the Republic of Belarus in the pre-Soviet period // Actual problems of law, education and psychology: collection of scientific papers. Mogilev, 2014. P. 151.
3. Gruntov I. O., Shidlovsky A. V. Criminal law course: in 5 volumes. General part. T. 1: The doctrine of crime. Minsk: BSU Publishing Center, 2018. 863 p.
4. Model Criminal Code of States - members of the Commonwealth of Independent States. Adopted at the seventh plenary session of the Interparliamentary Assembly of States - members of the Commonwealth of Independent States (Resolution No. 7-5 of February 17, 1996) (as amended on November 16, 2006) URL: [http://docs.cntd.ru/document / 901781490](http://docs.cntd.ru/document/901781490) (date of access: 20.05.2021).
5. Glukhova O. V. Complicity in a crime under the criminal legislation of the Republic of Belarus, the Russian Federation and Ukraine // Vesnik Brestskaga universiteta. Gray 2. History. Ekanomyka. Rights. 2013. No. 1. Pp. 149–156.
6. On judicial practice in cases of crimes related to the creation and activities of organized groups, gangs and criminal organizations: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus dated September 25, 2003 No. 9 // Soviet Belarus. 2003. No. 192.
7. Aminev T., Bikinin I. To the concept of an organized group // Socialist legality. 1990. No. 9. P. 74.
8. On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002 No. 29 // New laws and regulations. 2003. No. 10.
9. Burchak F. G. Complicity: social, criminological and legal issues. Kiev: Vishcha school, 1986. 208 p.
10. Khomich V. M. Systemic and substantive changes in the institution of complicity in the Criminal Code of Belarus and standards of legality in qualifications // Judicial practice in the context of the principles of legality and law: collection of scientific papers. Minsk: Theseus. 2006. Pp. 37–62.
11. Gruntov I. O. Subjective signs of complicity // Sudovy vesnik. 2006. No. 1. Pp. 46–50.